

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81-119

Аксенова Н.С.

Московский государственный областной университет

ИНТЕРТЕКСТ КАК МАРКЕР ИРРЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П.У. АНДЕРСОНА «ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА»)

N. Aksyonova

Moscow State Regional University

INTERTEXT AS IRREAL TIME MARKER (ON BASIS OF THE NOVEL OF P.W. ANDERSON "THREE HEARTS AND THREE LIONS")

Аннотация. В статье исследуются возможности построения категории времени с помощью интертекстуальных элементов в сакрально-мистических художественных текстах. Интертекстуальные элементы могут содержать значения временных отношений и участвовать в построении временных маркеров текста. Они могут быть частью конструкций, выполняющих роль временных маркеров, или иметь самостоятельное временное значение. Декодирование их значений зависит от знания интертекста. Полное значение интертекстуальных маркеров времени реализуется при декодировании с помощью данного интертекста.

Ключевые слова: временной маркер, ирреальное время, интертекст, претекст, сакрально-мистический художественный текст, декодирование.

Abstract. The article explores a possibility of building the category of time by means of intertextual elements in sacred-mystical fiction texts. Intertextual elements can denote and include time reference and consequently take part in building a time marker structure of the text. They also may be part of a time marker construction or have an autonomous and independent time meaning. Decoding their meaning depends in general on the knowledge of the intertext. The complete time meaning is realized mostly in the process of decoding with the help of the intertext.

Key words: time marker, irreal time, intertext, prior text, sacred-mystical fiction text, decoding.

Данная статья посвящена исследованию возможностей построения категории времени и маркеров ирреального времени в сакрально-мистических художественных текстах с помощью интертекстуальных средств. К сакрально-мистическим мы относим тексты авторской

© Аксенова Н.С., 2011.

сказки, фэнтези и мистико-философских романов. В качестве основного критерия принадлежности к данной группе мы рассматриваем существование в текстах волшебной художественной реальности, *ирреального художественного пространства и времени* [3, 199-265]. Таким образом, для изучения сакрально-мистических художественных текстов исследование категории времени является особенно актуальным.

Ирреальное художественное время обладает рядом особенностей: оно неустойчиво, легко меняет свои признаки, может нарушаться его линейность или необратимость и т. д. [3, 199].

В художественных текстах, как правило, используются различные способы построения данной текстовой категории. Обычно выделяют лексические, морфологические и синтаксические средства выражения времени [1, 177]. Для сакрально-мистических художественных текстов характерно использование интертекстуальных элементов из текстов мифов, легенд и т. д. Данные элементы могут выполнять текстообразующую функцию, в том числе участвовать в построении текстовой категории времени.

Привлечение интертекстуальных элементов в текст означает подключение дополнительных значений и связей из их источника. Например, по легенде, фея Моргана отправляет Ожье Датчанина на волшебный остров Авалон [6]. Таким образом, аллюзия *Morgana* связана с определёнными временными значениями из претекстов – волшебное время, средневековье, время путешествия героя на Авалон. Эти временные значения могут переноситься в новый текст вместе с аллюзией и выполнять роль временных маркеров.

Посмотрим, как это происходит, на примере текста романа П.У. Андерсона «Три сердца и три льва» [5]. Данный текст является наглядным примером построения пространственно-временных отношений художественного мира на основе пространственно-временных отношений претекстов. Естественно, что декодирование и развитие текстовой структуры данного романа напря-

мую зависит от установления интертекстуальных связей.

В художественном пространстве романа присутствуют два мира – реальный и параллельный ирреальный, в который попадает герой Хольгер Карлсен. Постепенно Хольгер вспоминает, что бывал в нём и раньше. На самом деле он – легендарный Хольгер Датский, который в момент опасности приходит на помощь своей родине из параллельного мира. Текст романа является своеобразным продолжением легенд о Хольгере Датском. Автор сам указывает на интертекстуальный прообраз созданного волшебного мира: «pre-Renaissance European legendry» [5, 65].

Мы исследуем участие интертекстуальных элементов в построении текста романа. Поскольку их значение для читателей зависит от узнавания интертекста, обратимся к популярным версиям данных легенд: сказке Г.Х. Андерсена «Хольгер Датский» [4] и легендам об Ожье Датчанине в обработке Т. Булфинча [6].

В начале романа место и время ирреального мира являются загадкой. Вспомнить прошлое и установить связи между мирами удаётся, только соотнеся происходящее с интертекстом. Таким образом, интертекст становится пространственно-временным ориентиром.

Уже в «реальной» части художественного мира появляются первые пространственно-временные ориентиры ирреального мира: имя героя – *Holger Carlsen*, его происхождение и место битвы с немцами – Дания (*Denmark*), неожиданное воспоминание о замке Кронборг («...why should he suddenly think of *Kronborg?*») [5, 6]. Элементы реального времени оказываются частью мира ирреального. Они присутствуют в известной в Дании легенде о Хольгере Датском. Ср. текст сказки Г.Х. Андерсона «Хольгер Датский»: «But the most beautiful sight of all is old **Kronborg**, and in a deep, dark cellar beneath it, where no one ever goes, sleeps **Holger Danske**. ... and in his dreams he sees all that happens here in **Denmark**... But should real danger come, old **Holger Danske** will rise in his fury... and the mighty

blows he strikes for **Denmark** will be heard throughout the world» [4].

Фамилия Хольгера – *Carlsen* является намеком на то, что этот герой был на службе у Карла Великого (*Charlemagne*) [6].

Данные интертекстуальные элементы приобретают своё истинное значение в ирреальном мире, для которого они – часть истории. Первый же его житель, Мамаша Герда, узнав, что её гостя зовут *Holger Carlsen*, говорит: «Save that **Holger** and **Carl** are both somewhat well-known names, as ye wot, though in sooth 'tis never been said that one was the son of the other... yet in a sense, a **king** is the father of his vassal and–» [5, 14].

Данная фраза содержит определённую временную информацию. Она характеризует настоящее: *Holger and Carl are... well-known names* и прошлое: глагольная форма *was* показывает, что по крайней мере одного из героев уже нет в волшебном мире. Значит, действие разворачивается после их совместных действий. Аллюзивные имена *Holger* и *Carl* выполняют роль ориентиров исторического времени ирреального мира, а глагольные формы выражают временные отношения. Таким образом, конструкция *интертекстуальный элемент + временная форма глагола* выполняет роль временного маркера текста.

Временные маркеры, включающие интертекст, обладают одной особенностью. Как уже было отмечено выше, интертекстуальные элементы могут содержать скрытые временные значения. Эти значения начинают функционировать при декодировании временного маркера с помощью претекста. Если интертекст известен, временные маркеры в представленном примере получают более широкое значение.

Если претекст неизвестен, то временные маркеры значат следующее: 1) данный мир – мир средневековья, мир королей и вассалов, 2) действие происходит после периода служения некоего Хольгера некому Карлу.

Если же претексты известны (например, Герде), интертекстуальные маркеры несут больше информации: данное время – ирреальное время легенд после периода служения Хольгера Датского Карлу Великому. Кро-

ме того, временные маркеры характеризуют личное время Хольгера – его прошлое, в котором он – Хольгер Датский.

Автор использует указанное свойство интертекста следующим образом. Данный пример взят из начала текста. Хольгер ещё не понял, в какое время он попал и не узнал претекст. Исследуемые временные маркеры содержат интертекстуальное потенциально. Но как только интертекст будет узнан, интертекстуальные значения подобных маркеров будут реализованы и составят единую временную картину текста.

Таким образом, аллюзии в сочетании с глагольными формами образуют конструкции, моделирующие временной план текста.

Интертекстуальная легенда может служить предсказанием. Один из местных жителей хочет узнать, является ли Хольгер Защитником, которого все ждут, и сообщает об этой легенде: «**The Defender... he that shall return in our greatest need... the legend my grandsire told me gives** not his name...» [5, 99]. В ней отчётливо угадывается текст Г.Х. Андерсона: «An old grandfather was telling his little grandson all this about **Holger Danske...**», «In your hour of darkest need I shall come!» [4].

Интертекст здесь также является временным маркером. Он несёт информацию о прошлом говорящего (*told*), настоящем (*gives*) и предсказывает историческое ирреальное время (*shall return*). Если в первом примере аллюзии являются частью временных конструкций, то здесь неатрибутированная цитата сама является такой конструкцией. Опять же, значение маркера времени зависит от узнавания интертекста. Если интертекстуальные связи удаётся восстановить, то данный маркер будущего превращается в маркер настоящего. Декодируя интертекст с помощью предыдущей части текста романа и текста легенды, его можно прочесть так: Хольгер – легендарный «Защитник», который находится здесь, так как пришёл час беды: *The Defender has returned in our greatest need*. Однако наивысшая точка кризиса еще не наступила, поэтому «Защитник» должен появиться позже. Поэтому автор даёт полную расшифров-

ку интертекста только в конце романа. Когда наступает момент высшей необходимости (*the greatest need*), Защитник появляется по-настоящему: в текст вводится недостающее интертекстуальное звено – истинное имя героя: «*Holger Danske*, whom the old French chronicles know as *Ogier le Danois*...» [5, 175]. Таким образом, данный интертекстуальный маркер также имеет скрытое потенциальное значение.

Некоторые аллюзии тесно связаны с понятием ирреального времени. Например, Авалон известен как остров, на котором останавливается время и царит молодость [2, 9]. Поэтому он может выступать как маркер ирреального времени. Рассмотрим такой контекст. Моргана напоминает Хольгеру о жизни на Авалоне: «Is this the man who **dwelt** so long with me in **Avalon**? Have you forgotten what **centuries** I gave you **of youth**, and lordship, and love?» [5, 73]. Это интертекст легенд про Авалон: «It was **Morgana**... who now resumed her power, and took him away to **dwell** with her in the island of **Avalon**» [6]. Слово сочетание *centuries of youth* («века молодости») вне волшебного интертекстуального контекста воспринимается как гипербола. Лексема *centuries* читается в переносном смысле – «очень долго». Но присутствие аллюзии *Avalon* меняет значение временного маркера на ирреальное, а переносное значение слова *centuries* на прямое: *centuries of youth* действительно означает «несколько веков, которые герой прожил, не старея». Это подтверждается в конце текста романа: «He it was whom **Morgan le Fay** held dear; and when he grew old, she bore him to **Avalon** and gave him back his youth...» [5, 175]. Как было отмечено выше, аллюзия *Morgan* также привносит в текст дополнительное временное значение.

Интертекстуальные аллюзии позволяют автору соединить реальное и ирреальное время через сознание Хольгера – человека из реального мира, инженера XX века. Он даже с драконом бьётся, используя знания по термодинамике: «A little **thermodynamics** is all» [5, 69]. Однако постепенно Хольгер вспоминает, что уже был здесь:

– «**Morgan le Fay!** That was it... And **Avalon**, yes, he had seen an island of birds and ros-

es, rainbows and **enchantment**, but where and when and how?» [5, 52];

– «No, wait, **Avalon**. Holger looked at his right hand. That same hand rested on a balustrade of green malachite... He remembered... **Avalon** stayed never in one place, the island floated... in a haze of its own **magic**...» [5, 108].

Элементы ирреального времени – аллюзии *Morgan le Fay*, *Avalon*, лексика со значением волшебное (*enchantment, magic*). А.Ф. Папина выделяет субъективное время [3, 198-199]. Субъективное время Хольгера выражено глаголами чувственного восприятия *had seen, looked, remembered*, а также с помощью средств, которые А.Ф. Папина не упоминает. Тем не менее, данные средства также выражают индивидуальное восприятие: глагол в повелительном наклонении *wait*, притяжательные, указательные и вопросительные местоимения *his, that, same, where, when, how*, пунктуация (*Morgan le Fay!*).

Как только ирреальные аллюзии, например *Avalon*, находят место в субъективном времени героя, благодаря глаголам чувственного восприятия (*had seen*), миры пересекаются, а его субъективное время тоже становится ирреальным. Таким образом, мифологические интертекстуальные элементы участвуют в построении ирреального времени текста, в том числе и ирреального субъективного времени.

Иногда автор, чтобы подчеркнуть момент «интериоризации» ирреального, выделяет ирреальное субъективное время Хольгера курсивом или даже переходит от повествования в третьем лице к повествованию в первом лице: «Cortana was a sword... *Once I held Cortana when brands were flashing on a stricken field*» [5, 72]. Интертекстуальный элемент – меч *Cortana* присутствует в легендах о Хольгере Датском [6].

Особенность романа в том, что интертекстуальность ирреального мира намеренно подчёркивается. Герой ориентируется в пространстве и времени, вспоминая прочитанные тексты: «Was he really in the past? No, impossible. And yet **Charlemagne** was certainly a historical figure... **The Carolingian cycle, the Chansons de Geste, the later medieval prose romances and folk ballads**. Yes, that fitted.

Fairyland and Saracens, swan-mays and unicorn, witchcraft and Elf Hill, Roland and Oliver...! Had he somehow fallen into a... **a book?**» [5, 65].

В данном примере ориентирами во времени оказываются названия интертекстов (*The Carolingian cycle, the Chansons de Geste* и т. д.) и их содержание (*Fairyland and Saracens* и т. д.). Лексика со значением времени (*the past, historical* и т.д.) и временные формы глаголов (*was, had fallen* и т. д.) выражают временные отношения. Интересным является использование аллюзивного имени Карл Великий (*Carl the Great, Charlemagne*). Оно существует и в реальном мире – как имя исторического персонажа, и в легендах. Поэтому в данном примере автор отводит ему роль точки отсчёта и пересечения двух миров. Теперь Хольгер понимает, о каком Карле говорила Герда (см. первый пример). Потенциальные временные маркеры начинают проявлять своё значение.

Наконец, интертекстуальные связи между мирами замечены, и можно установить временные отношения между ними: «...**This was another universe, a complete space-time continuum...** Given a large enough number of such universes, one of them was bound to fit any arbitrary pattern, such as of **pre-Renaissance European legendry**» [5, 65]. Интертекст определяет космическое (*space-time continuum*) и историческое (*pre-Renaissance*) ирреальное время художественного мира. Поскольку определяется «глобальный» характер времени, автор выбирает обобщающий интертекстуальный элемент – название совокупности претекстов.

В финале романа автор приводит все претексты в виде памяти, вернувшейся к Хольгеру. Они восстанавливают временную последовательность романа и потенциальные временные значения исследованных маркеров (выделены полужирным шрифтом; курсив автора): «**Holger Danske**, whom **the old French chronicles** know as **Ogier le Danois**, mounted into the saddle. And this was the prince of **Denmark**... He it was who came to serve **Carl the Great**... He it was whom **Morgan le Fay** held dear; and when he grew old, she bore him to **Avalon** and gave him back his youth...» [5, 175].

Данный текст – интересный пример «верификации», «доказательства» реальности ирреального времени. Маркеры *the old French chronicles* и *Carl the Great* напоминают временные маркеры исторических хроник. В то же время здесь присутствуют традиционные волшебные аллюзии: *Morgan le Fay, Avalon*. Их сочетание создаёт ирреальное, но при этом реалистичное параллельное пространство и время.

Таким образом, интертекстуальные элементы могут участвовать в вербализации текстовой категории *время*. Они могут переносить временные отношения из претекста в новый текст. Интертекстуальные элементы могут выполнять роль ориентира или точки отсчёта временного маркера внутри временной конструкции. Некоторые интертекстуальные элементы сами являются подобной конструкцией. Отдельные аллюзии могут выполнять роль временных маркеров самостоятельно, вне конструкций. Особенность функционирования интертекстов в исследованном тексте в том, что их полное временное значение можно декодировать только с помощью претекста. Они содержат «потенциальное» временное значение и раскрывают его, когда интертекстуальные связи восстанавливаются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта, 2007. 520 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Мифология (БЭСМ). М., Большая Российская Энциклопедия, 1998. 736 с.
3. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2010. 368 с.
4. Andersen H.C. The Complete Andersen. Т. I-VI [Электронный ресурс]. New York, The Limited Editions Club, 1949. [2011] URL: http://www.andersen.sdu.dk/vaerk/hersholt/HolgerDanske_e.html (дата обращения: 22.03.2011).
5. Anderson P.W. Three Hearts and Three Lions. London, Gollancz, 2003. 178 p.
6. Bulfinch T. Legends of Charlemagne [Электронный ресурс]. Robert Rowe, Charles Franks and the Online Distributed Proofreading Team. HTML version by Al Haines. [2010]. Режим доступа. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/4927/4927-h/4927-h.htm#ogier1> (дата обращения: 22.03.2011).